

—

На рассвете Ци Бэйнань встал, чтобы вскипятить воду для умывания, заодно бросив в кастрюлю пару куриных яиц.

Он пообещал Сяо Юаньбао пойти утром в уездный город, чтобы поесть лапши с маринованными свиными ребрышками и луком, но так как встал рано, а дорога в город длинная, он сначала съест яйцо, сваренное вкрутую, чтобы подкрепиться.

Утром во втором месяце было ещё холодно и туманно. Он нёс за спиной небольшой рюкзак, ведя за руку Сяо Юаньбао, и они направились к деревенскому выезду, чтобы сесть на повозку, запряженную волом.

В воздухе витал влажный запах свежей травы и земли, а на ветру можно было почувствовать слегка резкий аромат цветущей груши.

Он по пути повторял с Сяо Юаньбао счёт.

Малыш прыгал и считал вместе с ним, и дорога не казалась скучной.

Сяо Юаньбао уже мог считать от одного до пятидесяти, повторять счёт по памяти и считать предметы.

Ци Бэйнань учил его считать поленья, когда он колот дрова дома, или считать уток в пруду...

Постоянная практика и применение знаний не давали им забыть.

«Смотри, бычок!»

Сяо Юаньбао вдруг услышал два звука «му-у», потянул Ци Бэйнаня сквозь туман к источнику звука и увидел большое жёлтое животное, которое пахало плугом грязное поле.

В деревне не у многих были волы, и те, у кого они были, гордились этим, поэтому вокруг собралось много зевак.

Сяо Юаньбао просто очень любил этих сильных, больших животных и с любопытством наблюдал, поскольку у них дома волов не было.

«Сяо Ци, Бао гер!»

Фан Юлянь стоял неподалеку с рюкзаком за спиной, глядя на пашущего вола с горящими от зависти глазами.

Он подумывал, не спросить ли ему в городе цену на волов. Он знал, что сейчас не сможет его купить, но узнать цену было бы приятно.

Однако в разгар весеннего сева цена на волов, несомненно, была намного выше, чем зимой.

Зимой в поле было мало работы для скота, а корм было трудно доставать. Животные легко простужались и болели, поэтому цена на волов была самой низкой в году.

Хотя он не держал волов, он был хорошо осведомлен о рыночных ценах.

В этот момент он услышал знакомый голос и радостно поприветствовал их:

«Вы тоже в город собрались?»

«Да, старший брат Фан тоже!»

Втроем они пошли к деревенскому выезду.

Ци Бэйнань заметил, что в рюкзаке Фан Юляня были дикие овощи: большая охалка чисто вымытого дикого лука, десяток нежных побегов цедрелы и корзина крупных утиных яиц.

«Брат Фан едет в город продавать овощи?»

«Вторая сестра и третий гер насобирали столько диких овощей, что они нам всем приелись. Я решил поехать в город за лекарством для отца и заодно отнести немного старейшине Лю».

«Их семья живёт в уездном городе, у них нет земли, поэтому все овощи они покупают. Эти вещи стоят недорого, но они только что собраны, а горожане, говорят, любят то, что не выращивают на полях!»

Ци Бэйнань кивнул: «Мой отец, когда был жив, тоже любил покупать цедрелу и жарить его с утиными яйцами. Если не успеешь купить рано утром, потом уже не достанешь».

«Старейшина Лю уважает брата Фана. Он часто навещает его, чтобы выразить свою благодарность».

Втроем они дошли до выезда из деревни, где им пришлось расстаться.

Фан Юлянь сэкономил медяки и не хотел ехать на повозке. Ци Бэйнань же вёз с собой Сяо Юаньбао, и не мог позволить ребёнку идти так далеко; если бы тот устал, нести его на спине было бы тяжело.

В уездном городе в этом месяце было не так оживленно, как во время Весеннего фестиваля, но чувствовалось радостное оживление.

Ци Бэйнань потянул Сяо Юаньбао прямо к киоску с горячим завтраком, окутанному белым паром, и заказал две миски лапши с маринованными ребрышками за десять вэней.

Малыш не стал сидеть на скамейке в ожидании, а перебрался к большому очагу, сложил ручки и устался на хозяина, раскатывающего тесто.

Ци Бэйнань выпил немного бульона с луком и косточками и сказал: «Скоро будет готово, подойди, выпей бульона, чтобы согреться».

Но Сяо Юаньбао покачал головой и остался стоять там, наблюдая.

Он не отрываясь смотрел, как повар, повязавший голову, замешивал мягкое тесто, медленно раскатывал его в тонкие нити лапши и бросал в большой чугунный котел с кипящей водой.

Рядом стояла девушка, которая черпала из котла заранее приготовленный, маслянистый костный бульон.

Лапшу вынимали из котла вместе с листьями зелёного салата, клали в миску с бульоном, добавляли половину ложки маринованных ребрышек, немного маринованной, разваренной фасоли и посыпали зелёным луком. Миска с ароматной лапшой была готова.

Сяо Юаньбао быстро вернулся и сел рядом с Ци Бэйнанем.

Ци Бэйнань вынул и протёр пару палочек для еды, передавая их Сяо Юаньбао, и сказал: «Маленький обжора, ты не захотел съесть два яйца, когда я тебя звал, пока мы ехали в повозке».

Сяо Юаньбао ответил: «Я не был сильно голоден».

«Тогда зачем ты стоял и смотрел, как повар готовит лапшу?»

Сяо Юаньбао с улыбкой сказал: «Сяо Бао хотел посмотреть, как готовят вкусную городскую лапшу».

Ци Бэйнань поднял бровь: «Ты такой любознательный?»

Казалось, что всякий раз, когда они ели вонтоны или лапшу в киоске, малыш действительно любил смотреть.

Более того, дома и в доме бабушки Сунь он любил наблюдать за тем, что происходит на кухне.

Он задумался и спросил Сяо Юаньбао:

«Почему Сяо Бао нравится смотреть, как готовят еду?»

Сяо Юаньбао подул на костный бульон, сделал маленький глоток, и насыщенный аромат заполнил его рот. Он прищурился от удовольствия и сказал: «Сяо Бао тоже хочет научиться готовить».

Ци Бэйнань спросил: «Это потому, что папа и брат плохо готовят?»

Сяо Юаньбао покачал головой: «Если умеешь готовить, то не пропадёшь с голоду, и Сяо Бао уже обещал брату приготовить тофу, баклажаны, побеги бамбука... и пирожные с османтусом!»

Он загибал пальчики, перечисляя угощения, о которых Ци Бэйнань говорил раньше.

Ци Бэйнань почувствовал теплоту в сердце и спросил: «А если бы брат не говорил, что хочет съесть так много блюд, и Сяо Бао не обещал. Ты всё равно хотел бы научиться вкусно готовить?»

Сяо Юаньбао серьёзно подумал и сказал: «Да, хотел бы. Уметь готовить много еды — это очень здорово, Сяо Бао хочет быть таким же потрясающим!»

А ещё ему нравилось наблюдать, как овощи, растущие в поле, превращаются в ароматные блюда в миске. Когда госпожа Цинь была дома, он считал её очень умелой, потому что она могла наполнить кухню восхитительным ароматом.

Ци Бэйнань улыбнулся: «Кулинария — это очень хорошее мастерство. Сяо Бао прав, научившись готовить, ты никогда не будешь голодать».

«Но чтобы освоить что-то и стать очень хорошим в этом, нужно потратить много времени и усилий на обучение, и это будет тяжело. Сяо Бао сможет выдержать?»

Сяо Юаньбао тут же отложил палочки, сделал вид, что у него в руках кусок теста, умело его размял, а затем, подражая повару, потянул его в стороны.

Малыш даже нахмурился, скопировав уверенный вид повара, который занимается изготовлением лапши уже более десяти лет.

Ци Бэйнань посмотрел на его пантомиму и не смог сдержать смеха.

Сяо Юаньбао надул губы, увидев, что Ци Бэйнань смеётся над ним, и тихо сказал: «Но ведь повар так и делал!»

Ци Бэйнань сдерживал смех, кивая:

«Да, да, брат уверен, он именно так и делал. У Сяо Бао очень хорошая наблюдательность!»

Сяо Юаньбао недовольно снова взял палочки и начал есть лапшу. Он хотел было ещё показать, как бабушка Сунь рубит утку, но увидев, как сильно смеётся Ци Бэйнань, постеснялся.

Ци Бэйнань посерьёзnel и сказал:

«Тогда, может быть, брат найдёт для Сяо Бао учителя? Чтобы он научил Сяо Бао готовить».

Глаза Сяо Юаньбао загорелись: «Правда?»

Ци Бэйнань сказал: «Правда. Но Сяо Бао не может сдать на полпути, потому что стало тяжело, и сказать, что больше не хочет учиться. Только если сможешь держаться, брат найдёт тебе учителя».

Сяо Юаньбао поспешно сказал: «Сяо Бао не сдастся, я буду усердно учиться. Так же серьёзно, как учился считать!»

Ци Бэйнань засмеялся и погладил его по голове: «Хорошо».

Он всегда считал, что наличие достойного навыка, будь то для заработка или для души, является очень важным делом.

Если у человека есть мастерство, он спокоен. Уверенный и открытый человек либо имеет хорошее семейное происхождение, либо обладает собственными способностями.

И даже при хорошем происхождении невозможно обойтись без личных способностей, иначе, имея только внешнюю мишуру, нельзя будет поддерживать семейное дело и пользоваться уважением.

Ци Бэйнань увидел, что у Сяо Юаньбао есть интерес к делу, и это было очень редко, поэтому он

должен был направить его.

Он мог бы позволить малышу жить в зависимости от него, но он всё же надеялся, что в будущем тот сможет хорошо жить, не завися ни от кого.

Однако найти учителя не получится по прихоти; это хлопотное дело.

Важно не только мастерство учителя, но и его характер, иначе, даже при наличии таланта, если нрав его плох, ничего хорошего не выйдет.

Но раз решение принято, можно приступать к поиску; это всегда лучше, чем делать это вслепую.

От лапшичного киоска Ци Бэйнань повёл Сяо Юаньбао на овощной рынок.

Переулок перед рынком был заставлен небольшими прилавками, где фермеры из близлежащих деревень продавали семена и рассаду.

Ци Бэйнань, присматриваясь, купил двенадцать саженцев баклажанов, двадцать саженцев водного салата, пять пучков лука-порея и два цзиня маленького лука-шалота.

Кроме того, он купил семена сельдерея, большого лука и кориандра.

Цены на саженцы и семена были невысокими. За всё это разнообразие он заплатил всего пятнадцать вэней.

Это было гораздо экономнее, чем покупать уже готовые овощи.

Купив семена, Ци Бэйнань хотел вернуться на оживленную улицу, чтобы купить еды. Старуха, продававшая овощи, указала ему путь.

Она сказала, что если идти по переулку до конца и свернуть, то можно выйти на главную улицу, это намного короче, чем идти обратно.

Ци Бэйнань плохо знал уездный город, и, желая получше запомнить улицы, он взял Сяо Юаньбао и вошел в этот переулок.

Это был обычный жилой переулок, где дома не выглядели роскошными, хотя иногда встречались дворы с высокими воротами.

Он был немного похож на переулок, в котором Ци Бэйнань жил со своим отцом в уезде Цю.

Богатых семей в переулке было немного, но и совсем нищих было мало. Большинство были ремесленниками или владельцами небольших лавок.

Посредине переулка могла проехать только одна повозка, хотя две кареты могли разойтись, но если они сталкивались, пешеходам приходилось уступать дорогу, отступив к водостоку под карнизами.

Ци Бэйнань мог это оценить, и не потому, что он был так наблюдателен, а потому, что они как раз столкнулись с двумя повозками, ехавшими навстречу друг другу. Он потянул Сяо Юаньбао и встал у водостока, чтобы уступить дорогу.

«Скажи-ка мне, твоя деревенская хижина стоит рядом со скотным двором, не так ли?»

«Нет? А если нет, то почему ты такой тупой, как осёл? Я думал, ты заразился от осла. Вот что бывает, когда выходишь из крестьянской семьи. Тебе бы лучше вернуться и возделывать землю, всё равно толку от твоей учёбы нет!»

Тут же раздался взрыв смеха.

«Тихо! Всем тихо!»

Ци Бэйнань услышал ругань, доносящуюся из двора с открытыми воротами, что находился немного впереди. Голос показался ему знакомым.

Женщина с корзиной, которая стояла рядом с ним и Сяо Юаньбао на краю сточного канала, чтобы уступить дорогу, покачала головой и пробормотала: «Опять учеников ругает».

Ци Бэйнань спросил: «Здесь частная школа?»

Женщина с корзиной ответила: «Да, та самая, с открытыми воротами».

«Они часто держат ворота открытыми, когда наказывают учеников. Звук линейки, бьющей по ладоням, слышен на пол-улицы».

«Какой суровый учитель. Не знаете, как его фамилия?»

Ци Бэйнань спросил вежливо, думая, что ему следует избегать такого учителя в будущем.

Строгость — это не плохо, но такая строгость без меры — это не строгость, а жестокость.

Будучи учителем, он должен наставлять учеников, а не унижать их достоинство, так сильно

задевая их самолюбие.

Его слова уже демонстрировали презрение к сыну фермера.

Сяо Ци поинтересовался фамилией, но женщина подумала, что он хочет пойти к нему учиться, и тихо предупредила его: «Его фамилия Чэнь. Я бы сказала, если ты хочешь найти учителя, не иди к такому. Хоть строгость и хороша, но такая строгость слишком чрезмерна. Слабовольные ученики будут только бояться учителя, и как они тогда будут учиться?»

Ци Бэйнань внезапно вспомнил кое-кого.

Не успел он задуматься, как из частной школы снова раздались ругательства:

«Бери свои книги и иди стой у входа! Сколько лет ты уже учишься, а даже не можешь нормально отвечать на вопросы, не говоря уже о твоём таланте! Если ты когда-нибудь попадёшь на императорский экзамен, ты обмочишь штаны, когда Сын Неба задаст тебе вопрос!»

«Впрочем, тебе всё равно не попасть в столицу на экзамен, так что моё старое лицо не будет опозорено в столице».

Сяо Юаньбао напрягся, его дыхание сбилось. Он прижался к ноге Ци Бэйнаня, прячась, и тихо покачал головой: «Учитель такой злой, злее папы. Сяо Бао не хочет учиться».

Ци Бэйнань закрыл ладонью уши Сяо Юаньбао и сказал: «Не все учителя злые. Папа твоего брата тоже был учителем, и он совсем не был злым».

Пока он успокаивал Сяо Юаньбао, он поднял глаза и увидел знакомую фигуру.

Наказываемый юноша опустил покрасневшие от слёз глаза, держа в руках книгу «Лунь юй»* и осторожно стоял у ворот. Его ладони слегка дрожали и были распухшими и красными.

[*«Лунь юй» («Беседы и суждения») — это главная книга конфуцианства, сборник высказываний и диалогов древнекитайского философа Конфуция, составленный его учениками после его смерти. Текст является одним из самых известных памятников древнекитайской литературы и философии, а знание его содержания было обязательным для классического китайского образования.]

Их взгляды встретились, и юноша вздрогнул, его лицо мгновенно стало багровым, как свиная печень.

Слёзы, которые он сдерживал, наконец, потекли от стыда. Он тут же отвернулся, не желая,

чтобы прохожие видели его лицо.

Сяо Юаньбао поднял глаза, удивлённо округлив их, и собрался крикнуть брат Чжао, но Ци Бэйнань быстро закрыл ему рот.

Он нахмурился, сделал вид, что не узнал Чжао Гуанцзуна, взял Сяо Юаньбао за руку и поспешил обратно на улицу.

«Разве это не брат Чжао?!»

Ци Бэйнань вёл его вперёд и сказал: «Да. Сяо Бао не ошибся».

«Тогда почему ты не позвал брата Чжао?»

Ци Бэйнань был удивлен, что встретил Чжао Гуанцзуна здесь. Он знал только, что тот учится в частной школе в уезде, но не знал, в какой именно.

Вспоминая его робость и неуверенность, когда вчера они говорили об учёбе, теперь он понял, что была веская причина.

Он терпеливо объяснил Сяо Юаньбао: «На брата Чжао накричал учитель, ему и так очень плохо, а если его увидит знакомый, ему станет только хуже».

Сяо Юаньбао кивнул, хотя не совсем понял, но послушался Ци Бэйнаня.

Он оглянулся на открытый двор и увидел, что брат Чжао сильно опустил голову.

У Сяо Юаньбао сильное чувство сострадания. Он подумал, что если бы его так отругали, он бы тоже заплакал, причём даже сильнее, чем брат Чжао.

Вспомнив, что вчера брат Чжао принёс ему фруктовые пирожные, он потянул Ци Бэйнаня за руку: «Давай купим брату Чжао пакет цукатов в сахаре, если он съест сладкое, ему не будет так грустно».

Ци Бэйнань погладил Сяо Юаньбао по голове и согласился: «Хорошо».

После обеда Ци Бэйнань отвёз Сяо Юаньбао к семье Фан, а сам должен был пойти к семье Чжао.

«Я заберу тебя, когда вернусь. Уже поздно, не балуйся сильно, не вспотей. Вечером холодно, чтобы не простудился».

Ци Бэйнань погладил Сяо Юаньбао по спине и дал ему несколько указаний.

«Сяо Бао знает! Не буду баловаться, вторая сестра собирается заплести мне волосы».

«Вот и отлично».

Ци Бэйнань слегка ущипнул его за щёку: «Тогда твой брат пойдёт к брату Чжао».

«Брат, подожди!»

Сяо Юаньбао потянул Ци Бэйнаня за край одежды. Он встал на цыпочки, и Ци Бэйнань снова присел. Малыш наклонился к его уху: «Не забудь отдать брату Чжао цукаты и сказать ему, чтобы не плакал».

«Знаю, знаю, брат всё помнит».

Сяо Юаньбао радостно побежал во двор Фан с большим мясным пирогом, чтобы поделиться им со второй сестрой и третьим гером.

Только тогда Ци Бэйнань поспешно направился к дому Чжао.

Он не ожидал, что Чжао Гуанцзун ещё не вернулся из школы.

К счастью, он взял с собой две книги, сказав, что хочет обсудить их с Чжао Гуанцзуном.

Староста Чжао и госпожа Чжан были очень рады услышать это и тут же усадили Ци Бэйнаня подождать. Они налили ему чаю и принесли тарелку сухофруктов.

«Гуанцзун в детстве жил в городе у деда по материнской линии и возвращался только на выходные. Когда стал старше, он начал ездить каждый день».

Староста Чжао сидел с Ци Бэйнанем в ожидании и вёл с ним непринуждённую беседу об учёбе Чжао Гуанцзуна: «Хорошо, что занятия в школе заканчиваются рано, но утро немного утомительное, ему приходится вставать до рассвета».

«Летом и осенью это ещё ничего, но зимой тяжело. Когда едешь в повозке, ветер может оторвать уши, и руки так замерзают, что он не может держать кисть. А в частной школе нет горячей воды».

«Я думаю, если у него есть хоть какой-то талант к учёбе, и он сможет сдать детский экзамен, мы с его матерью могли бы занять немного денег и купить небольшой дворик в городе, чтобы

он мог учиться без такой усталости».

Ци Бэйнань подумал, что с состоянием старосты деревни, покупка небольшого дворика для Чжао Гуанцзуна в городе не должна быть проблемой, и ему не пришлось бы занимать деньги.

Он просто слушал эти слова, понимая, что это родительские заботы. Они искренне любили Чжао Гуанцзуна, но, вероятно, не знали, какие унижения он терпит в частной школе в городе.

Он сказал: «Если бы Чжао Сюэцзы знал о ваших планах, староста и госпожа Чжан, он был бы очень тронут».

Староста Чжао с удовольствием выпил чаю и только собрался сказать, чтобы Ци Бэйнань почаще заходил к ним, как услышал, что работник снаружи объявил о возвращении Чжао Гуанцзуна.

—

<http://bllate.org/book/14487/1282059>